

Туча опустилась к краю леса, завернулась в черный рулон, заурчала, засветилась молниями. Яркая вспышка прямо над головой, и тут же раздался сухой треск. Это молния ударила совсем рядом. Не успею до дождя. Скорее картошку в кучу и накрыть пленкой. Пленка короткая, снимаю куртку, все равно промокну. Стало совсем тихо, с шипением через поле на меня идет белая стена. Удар ветра, и хлынул дождь. Как льет! Почти горизонтально, от такого дождя не укроешься. Прошло не больше часа, а поле покрылось водой. Жуткий тропический ливень. Я свою картошку заранее выкопал и стаскал на бугорок, но и она тонет в жидкой глине. Из кучи вылезла мокрая мышь и неуклюже заковыляла по вязким грядкам. Больная, что ли? А нет, это землеройка, ее выгнало водой.

Дождь резко прекратился, а поле все затоплено. Вот они, осушенные болота. Видно, их и отдали под огороды, потому что совхозы не смогли на этих полях ничего сделать. Пока дождевая вода сойдет, все уже и сгниет. Моя картошка уцелела, только низ кучи в жиже. Здесь осталось девять мешков, один я увез вчера. Подъехать не на чем, да и платить за перевозку нечем, буду таскать на себе. За одну поездку я увожу полтора мешка. За субботу и воскресенье увезу три, останется еще шесть. Сейчас заберу самую мокрую, сухую оставляю до следующих выходных. Ничего не должно пропасть. Столько трудов положено. Землю копал вручную. Поле не пахано лет пять. Пришлось напрячься. Зато семья будет сыта. На работе давно не платят, и будет еще хуже. А у меня все свое, независимое. Для себя поработать можно: тяжело, да не обидно.

В советское время на картошку ездил весь народ. И в этом было единство классов рабочих, крестьян и интеллигентской прослойки. Еще были стройки, покос, благоустройство, всякое шефство. Наверное, любой могущественный правитель любит бесплатный труд. Как это здорово — построить пирамиду силами пленных рабов, канал силами заключенных, БАМ силами солдат-срочников.

Когда могущества поубавилось, началось что-то среднее между бесплатным трудом и оплачиваемым отдыхом. Наша лаборатория подчинялась большой конторе. Вот нас вместо конторских и посылали. Идет по полю толпа, картошку копают. Большинство ровно и неспешно ковыряются, держатся вместе. Некоторые сядут в рядок и сидят, болтают. Знают, что потом отстающим все придут помогать. Какой спрос? Шефы. А были и такие «передовики»: выдернет куст, стряхнет клубни в ведро, а остальное затопчет, присыплет и бежит дальше, впереди всех. Спросишь: «Что ж ты гадишь, паразит?» А он: «А мне за это не платят».

Тогда, в семидесятых — восьмидесятых много еще работало людей, которые помнили голодное военное время. Таких ни за что не заставишь бросить хлеб на землю. Они не втопчут картошку в грязь, даже если им не платят. Но вот к девяностым таких людей стало меньше, и во власти тоже. Пришло время хапуг безруких, бестолковых, у которых за душой ничего, кроме жадности. Состарились и ушли те начальники, которые помнили, как достались людям трудовые сбережения в Госбанке. Гайдар пришел. Ученый. Я тоже учился хорошо. Половине курса задания делал. Преподаватель математики это поощрял. Лучше всего научишься, когда другого научишь. Но я в науку не пошел. Мало там независимости. На производстве, казалось, все ясно: знай свое дело, работай хорошо и корми семью. Больше сделал — больше получил. «План — закон, выполнение — долг, перевыполнение — честь». Позже я понял, что это не так. Грузят на ту лошадь, которая везет, а кормят ту, которую любят. Я много ездил по командировкам и вкальвал. А те, кто ездил и работал меньше меня, получали больше и жили лучше. Ненамного, конечно. Это оттого, что я начальству не нравился: в партии не состоял, не чирикал и не лизал. Иногда огрызался, но больше молчал. Жить можно было. Даже и без огорода. Начальники говорят: «Как работаем, так и живем». Откуда они знают, как мы работаем? Сами вообще ничего не делают, такие беспомощные, бестолковые. За нами присматривают. Это у них работа такая.

Берет, к примеру, наша бригада подряд на наладку автоматики подстанции. Все строго по смете. Выкладываемся, все делаем вовремя и хотим получить обещанное. Но на объекте не только автоматика, и перед пуском туда съезжается много разных бригад. Чиновник из управления узнает, сколько мы должны получить, и говорит: «Что же они, отсюда каждый на собственных «Жигулях» уедет?» И дает команду все поделить на эту ораву и оформить в виде премии. Думаю, любому понятно, у кого после этой работы появились «Жигули». Много лет спустя я увидел, как этот начальник роется в помойке и таскает какие-то дощечки. Я злорадно подумал, что Бог есть. Потом я увидел, что начальник грузит дощечки в дорожную иномарку, и подумал, что если Он и есть, то уж больно жесток.

Складываю в мешок из-под китайского сахара склизкие клубни. Хорошая картошка уродилась, крупная. Стали выбираться из укрытий соседи. Один выдергивает из жидкой грязи куст, с картошки течет вода. Он подумал, надергал еще и пошел мыть в луже. Другой, старый составитель поездов, который все говорил: «Надо в свою землю вгрызаться, зацепиться и вгрызаться», нагрузил овощи, поверх рюкзака сложил мешок с тыквами и со всем этим добром свалился в канаву с водой. Плавает среди тыкв и помидоров, а внуки его вылавливают.

Хорошо тепло. Выглянуло солнце, и сразу стало жарко. Ташу свой груз к дороге. Ноги вязнут, разъезжаются, пот заливает глаза, комары лезут в лицо. Только бы не упасть. В мне груза килограммов девяносто. Можно и шею сломать. Дошлепал до дороги, задыхаюсь. Лучше не останавливаться, потом все это снова придется поднимать, надо потерпеть. Если вес поднял, то потом можно долго с ним ходить. По дороге идти не легче: глина раскисла и прилипает к ногам. Тяжело, конечно, но себе несущ. Виден уже край поля, там последняя канава, бугор и казарма. Сколько же еще идти? Спина держит, а дыхание подводит, весь мокрый. Дышать ровнее. Главное, правильно выдыхать — через силу. Ничего, раз в неделю мужик должен поработать до усталости.

В тяжелой работе главное — не сила и выносливость, а сноровка. Маленький может больше сделать, чем большой, если знает как. Попал я как-то грузчиком на сенокос. Там ребята поменьше и постарше меня. Ходят с вилами, грузят тюки с сеном на тележки, себя называют «гладияторами». В день выходило на человека двадцать тонн. Я к обеду начинал ходить неровно, а один раз даже потерял сознание. Стал я присматриваться, что я делаю не так, как все. Оказалось, они пьют много сладкого чая. Я вообще сахар не ем. Попробовал, как они, и все стало нормально.

Получили мы тогда за двадцать дней тяжелой работы, как за полгода сидения в конторе. Я подумал, что это справедливый капитализм. А потом узнал, что совхоз перепродал наше сено в пять раз дороже. Это, наверное, капитализм реальный.

В тонкой работе сноровка еще важнее. Давно, еще зеленым практикантом видел я, как работают наладчики. Весело, музыку включили, провода ровненько укладывают, с шутками. Дело спорится. Все сделали, а центральная панель не работает. Спорят, ругаются, носятся, приборов натащили, пробуют. Дым пошел, а ничего не работает. Тогда они и говорят: «Придется Его звать».

Привозят мужичка средних лет, незаметного, только рука у него в перчатке. То ли протез, то ли больная рука. Стоит мужичок возле панели, курит, на схему смотрит, ничего не делает. Вокруг беготня, вопли, а он стоит, отдыхает. Пошли наладчики спать, а мужичок все стоит и курит. Утром все заработало, а он все стоит. Я тогда решил, что буду таким же, только некурящим. Теперь я мастер не хуже того наладчика. А вот мешки тащу, чтобы выжить. Все свободное время на огороде. Давно, давно прошло то время, когда мы с отцом по выходным отправлялись в поход на маленькой лодочке к дальним синим горам. Тоже тяжело было, но интересно.

...Последняя канава, полно воды. Вот уже выбираюсь наверх, ноги поползли по глине. Все, падаю. Сбрасываю мешок через голову. Мешок упал удачно, не в воду. Падаю на четвереньки, выползаю весь мокрый и в грязи, но груз спас. С трудом иду дальше. Тяжело, очень тяжело. Почему-то сводит скулы. Это уж слишком. Вот и тропинка на казарму, дальше уже сухо. Пригородный поезд опаздывает. Отдыхаю. Поезда ждут: пьяный рыбак, торговка пирожками, двое бродяг с мешками. В мешках, похоже, совхозная кукуруза. Из-за казармы появился вохровец, бесцеремонно отобрал у парочки мешки и вытряхнул содержимое на землю. Убедившись, что металла нет, страж молча удалился. «Споили Россию», — говорит пьяный рыбак.

Подходит пригородный. Я с трудом поднимаюсь по насыпи. Двери закрыты, бегу по откосу к следующему вагону, забрасываю мешок в тамбур, цепляюсь за поручни. Внезапно в глазах темнеет. Чьи-то руки тащат меня вверх. Пока пришел в себя, уже Волочаевка. Огороды, огороды. Все так ухожено. Маленькие и большие клочки, никаких сорняков. По другую сторону брошенные совхозные поля, полынь, лужи. Только по склону холма убирают осыпавшийся овес. В сторону реки на песчаных холмах хорошо уродилась совхозная кукуруза. В эти поля окольными тропами идут компании горожан. В пригородном поезде полно довольного дачного народа. Везут все и в страшных количествах. Зима будет долгой. А это все свое, независимое.

Здесь можно встретить известного хирурга, которому не страшно доверить свою жизнь; учителя, которому можно спокойно доверить своих детей; старого профессора. Все они катят тележки, тащат рюкзаки. Зачем? При новых-то порядках, тому же профессору — пристроить чьего-нибудь богатенького сынка, так этой картошкой завалят, к дому привезут. А тому же врачу — выпиши кому надо больничный или оформи платную операцию как бесплатную за полцены — вот ты и с огурцами. А учителю можно занятия с детьми оформить как репетиторство и вообще можно не работать. Но настоящие профессионалы себя не замарают. Они с достоинством делают свое дело, хоть и не получают за это ничего. Так уж воспитаны — в уважении к мастерству и презрении к стяжательству.

Даже в диких и бедных странах человек, который может вырезать аппендицит или определить площадь под синусоидой, на огороде себе пропитание не добывает. Таких людей никакой правитель бросить на самовыживание не имеет права. Наша страна, может быть, и не так богата, чтобы победить Америку или устроить мировую революцию, но уж накормить и одеть каждого без гуманитарных подачек может легко. Ее бы в хорошие руки.

Дай человеку удочку вместо рыбы, и он сам себя прокормит — это как-то подикарски, не по-нашему. У нас: приди туда, где люди рыбу ловят, и все это запрети. Тогда они и себя и тебя прокормят и голодающим людоедам Африки останется. И появится на Нижнем Амуре неопалимый осетр. Его конфискуют и сожгут, потому что запрещено, а он потом опять появляется у перекупщиков и контролирующих органов. Его опять конфискуют и жгут, чтобы неповадно было, а он опять появляется.

Ловят перевозчиков с икрой, конфискуют и по телевизору показывают. А сколько не показывают? Рыбаки за возможность ловить и продавать лососей и осетров отдают в среднем половину улова всем контролирующим. Это не те рыбаки, что днем по лицензии, а те, что ночью. На осетровой тоне один браконьер проплыл слишком долго, и в сеть набилось столько осетров, что они утопили бы лодку. Тогда он стал рыбу вытаскивать, прямо в лодку потрошить икру, а тушки выбрасывать. Вокруг тоже одни браконьеры, но даже им это не понравилось.

На Амуре в любой деревне ловят проходного лосося, а рыбаков ловят инспекторы с ОМОНам. Выберут островок, поставят лагерь и проверяют проезжающих. Те откупаются. Обычно рыбой, но, когда рыбы много, инспекторы берут деньгами. Отпускают рыбаков с добычей, а сети складывают на берегу. Нарушители съезжают в город, продадут улов, привезут выкуп и забирают сети. Как-то раз инспекторы поленились возиться с сетями. Они выгрузили одного пьяного рыбака и оставили в залог, а остальных пьяных с сетями и добычей отпустили. Те уехали в деревню, выпили и про товарища забыли. Заложник же проспался и стал бродить среди ОМОНа, требовать еды и водки. Через несколько дней пришлось инспекторам везти его домой, уж и не знали, как отвязаться.

Такое впечатление, что властям будет лучше, если на берегах вообще не будет людей. Но если своих истребить, то чужие придут. В деревне на берегу Амуре китайцы купили дом, построили внутри бассейн. Купили живых осетров, запустили в бассейн и ждут, когда икра созреет, чтобы оплодотворенную икру перевезти в Китай и там, на рыбозаводе, разводить осетров. Живут себе спокойно под видом туристов. Не учли только нашей знаменитой зависти. Донесли. Власти бассейн разрушили, а китайцев разогнали.

Лес валили, вывозили, сплавляли. На сплавных реках этого леса были горы и завалы. А потом запретили. Люди стали лес тайком пилить и к дорогам стаскивать. Потом эти бревна подберет и рассчитается с лесорубом тот, у кого есть разрешение на вывоз, а на заготовку нет. Деревья, конечно, самых дорогих пород: кедр, ясень, липа. И вот губернатор издал приказ — липу не вывозить, запретить.

А в этот день на грузовой станции Хабаровск-II появляются вагоны с лесом, следующим в Китай. И бревна по внешнему виду похожи на липу. Владелец леса, китаец, купил где-то бумагу, что в вагонах — осина низких сортов. Приемосдатчики стали сомневаться, не липа ли в вагонах, и тут же получили от предпринимателя подтверждение в виде увесистой пачки. Далее произошло то, что происходит на станции, когда там сойдет с рельсов и опрокинется цистерна со спиртом. Со всех сторон сбегались составители, осмотрщики, монтеры пути и контактной сети, и все стали сомневаться. Каждому что-нибудь от предпринимателя досталось. Потом, когда на станцию потянулись отбросы общества, вагоны отправили.

Как-то неубедительно выглядит то, что леса мало, рыбы нет. Конечно, на всех начальников и контролеров не хватит. Но уж тем, кто с трудом выживает в глухих местах, можно было разрешить. Без бутафорского контроля и псевдосожжения. Пьют где-нибудь чай в деревне на Нижнем Амуре, едят черную икру с сухарями и мечтают: «Сахарку бы». Ан нет. Это в цивилизованных странах называется «экономическая блокада». Однажды в глухую таежную деревню привез гуманитарную помощь японец-филантроп. Когда он увидел, что местные голодающие жители везут кедр на дрова, то упал в обморок. Вскоре и я сам чуть не упал в обморок, когда увидел один вагон с экспортной древесиной. В вагоне были какие-то странные бревна. Древесина похожа на кедр, только покраснее, а кора гладкая. Я вспомнил, что видел фильм про тисовую рощу. Это были тисовые бревна. Одни из последних на всем Дальнем Востоке. Наверное, бревна числились как низкосортная осина. Так что запрещать можно, но там, где людей нет. А там, где живут люди, им жить не запретишь.

Несколько раз ездил я за своей картошкой. Как-то даже после работы. Сбежал часа за два до окончания, до казармы доехал, а обратно на поезд не успел, пошел до

станции. Мимо несутся дорогие машины, не объедут, не притормозят. В этих машинах едут не чемпионы, герои труда или крупные ученые. Откуда у случайных людей такое богатство? Как бы пропаганда ни морочила мне голову, а я знаю откуда. Был у меня банковский вклад. Хватило бы на дорогую машину, а теперь на этот вклад и мешка картошки не купишь. Из одного места ушло, значит, в другом месте появится.

На Волочаевке по вагонам ходят дети, просят: «Подайте, у кого есть хлеб. Родители наши — пьяницы, не работают, нам есть нечего». Дал им какие-то оставшиеся корки. В окно вагона видно, как они тащат коробку с корками к сараю. Там стоят их родители, понесли собранным свиней кормить. Предприниматели. Кто вырастет из этих детей?

О том, что я с работы раньше ушел, начальству немедленно доложил Дудкин. Он в нашу бригаду, видимо, был послан за наши грехи. Что бы ни делал, все у него ломалось, несколько раз подавал напряжение на работающую бригаду. Никто с ним работать не хочет. Поставили его старшим. Ходит, начальству докладывает, просится, чтобы в контору его взяли. Но там-то понимают, что он и на них докладывать будет, не берут. Этот Дудкин раньше был коммунистом и все, что писала газета «Правда», одобрял и выдавал за свои убеждения. Потом партбилет выбросил, стал читать другие газеты и говорить, что коммунисты его обманули. Потом стал патриотом и принялся ругать Америку. Но, когда повестку в армию получил, что-то там подделал и от службы уклонился. От всяких сельхозработ и строек умело прятался. Вот на товарищей доносить и себя хвалить он не прекращал никогда.

Ух и запаса я на зиму! Все завалено картошкой, свеклой. Насолил огурцов в банках, капусты в кадушке. На даче на острове закопал в землю до весны бочонок с солеными помидорами, несколько ведер моркови. Рыбы браконьерской насолил. Зима будет длинной. Можно ныть, какая тяжелая жизнь, как трудно таскать воду и дрова, жаловаться, что некуда пойти отдохнуть, и стремиться в столицу, потом в Израиль и Америку. Туда, где чистота и порядок. Так туда и ввалиться прямо со своей помойки. А можно свою жизнь налаживать и обустраивать на месте. Самому выживать и наводить чистоту и порядок.

Настоящей работы давно не было. А тут вдруг аврал. Собираются подстанцию включить до конца года, а оборудование пришло только в ноябре и, как обычно, некомплектное. Наружная часть на оперативное напряжение сто десять вольт, а в помещении — на двести двадцать. Всех бросили на наладку. Достались нам на троих два выключателя, панель защиты и на силовом трансформаторе кое-что по мелочи. Трое — это я, еще парень молодой, толковый, и Дудкин. Такую работу бригада из четырех человек делает месяца за два-три. Нам дали неделю.

Начальников понаехало много. Соберутся вместе и ходят кругами вокруг подстанции. Сделают круг, вздохнут тяжело: «А двадцатого пуск». Развернутся, в другую сторону круг делают, опять вздохнут и идут водку пить. Я их всех знаю. Бывшие партийные руководители, лизоблюды, алкоголики и примкнувший к ним Дудкин. Выучили когда-то несколько лозунгов из партийного писания. До сих пор ими и жонглируют. На какого-то бригадира монтажников набросились. Что-то он не успел. Кричат, злятся, а он безумно по сторонам озирается и говорит: «Ладно, все успеем, дайте только кто-нибудь шесть тысяч пятьсот рублей» (столько тогда стоила бутылка водки). Я на них смотрю и думаю: а что бы изменилось, если бы этих смотрящих вообще не было. Работа пошла бы лучше или хуже?

Для выключателей даже кабель еще не привезли. Сажу в уголке, схему изучаю. Шкафы не проектные, ряды зажимов не подходят. Безумно, как на заводе, по схеме садить нельзя. Надо каждый провод помнить. На один выключатель зажимов около двухсот. Придется каждый запоминать. Смотрю на схему, запоминаю. Молодому дал часть — полсотни однотипных зажимов запомнить. Тоже сидит, на схему смотрит. А Дудкин деятельность развел: затеял приборы менять, ящики какие-то нагородил, полез, упал, все побил и пошел водку пить. Начальство довольно — вот как человек

старается. Привезли кабель. Мороз ударил. Провода подключать непросто — руки мерзнут, но это потерпеть можно. Хуже, что изоляция на морозе лопается, греть надо. Началась работа. Поставил я над уличными шкафами палатку, прожектор туда прищипал. Молодому дал паяльную лампу — провода греть. Прозвонили жилы, и полез я в палатку. Каждый провод со схемой не сверяю, так помню. Кручу, режу, кручу. С трудом помню, что делал, все как в тумане. Говорят, у поэтов бывает вдохновение, как они чего сочиняют, не помнят. Наверное, у меня было похожее состояние. Главное, ошибок не наделать. Если что-нибудь замкнет и сгорит, тогда точно не успеем. Перерыв на несколько часов, и на второй выключатель пошли.

Вторые сутки работаем. Когда закончил, выбираюсь из палатки. Темно, мороз ослабел, в свете прожекторов шатаются пьяные монтажники. Какое сегодня число? На третий день проверили и включили. Ошибок не было. Табло какое-то не горело, а остальное — нормально. За три дня вдвоем собрать два выключателя еще ни у кого не получалось. После этого мой помощник стал авторитетным мастером, а я вошел в историю, сделал то, что никому до этого не удавалось. Дудкин за это время в тепле подключил восемь жил и две из них — мимо. Работу оплатили дополнительно. Точнее, начислили, но не выплатили. Больше всех начислили Дудкину. Начальник сказал: «Я видел, кто работал, а кто сидел в уголке и на схему смотрел».

Время идет, а зарплату не платят. Месяц, второй. Вот когда пригодились запасы. Едим картошку и моченую браконьерскую кету, иногда горбушу мороженую. Зиму пережили. Весна пришла, а зарплату все задерживают. Дети меня каждый день с работы встречают. Ничего не говорят, смотрят только. Провалиться мне от этих взглядов. Потом идут есть картошку с горбушей.

И ведь — не туеядец и не пьяница, дело свое знаю и хорошо делаю. Побольше делаю, чем эти начальники, что крутятся вокруг любой стройки, красуются в телевизоре и потребляют, все потребляют. Такую большую и могучую страну и всю употребили.

Жена пилит: «Вот у Ирки муж на таможне, так у нее шуба. У Надьки муж сантехник, и живут припеваючи». Да это нытье еще терпимо. Но вот когда дети смотрят... Молчат и смотрят. Выдержу ли? Меня не станет, куда им? Сыну в бандиты, дочкам на панель? Надо выдержать. Начал быстро сесть. Медкомиссию прохожу с трудом: давление высокое. А какое оно еще может быть? Снятся сны, будто бы я умер, а хоронить не на что. Ближе к маю к моим детям присоединились и дети родственников, даже соседей. У них еще хуже. К началу мая запасы подошли к концу.

Навигация открылась, можно и на дачу с детьми поехать, да не на что. И картошка кончилась. И тут перед майскими праздниками объявили: завтра будут давать зарплату. Через банк. Какой там банк. Какой-то начальник организовал контору с двумя окошками, прокручивает наши денежки, хоть что-то да отщипнет у рабочих. День мы стояли в толпе и к самому закрытию все же попали в контору с решетками. Кого-то придавили, кричат, охрана приехала с автоматом. Видят, это не ограбление банка, а выдача честно заработанного, уехали.

Подошла моя очередь у окошка, и тут начальница заявила: «Все, закрываемся, уходите». Я в решетку вцепился, ничего не вижу, только глаза детей, вот они стоят, смотрят. Как я уйду? Пусть лучше тут же убьют. ...Начинает проявляться лицо кассирши. Круглые от удивления глаза, протягивает мне деньги. Беру пачку. Почему-то ладони в ссадинах. И кто это погнул решетку? Поеду с детьми на дачу, куплю им мороженого. Будем редиску садить, гулять и радоваться. Соседских детей тоже возьмем.

Можно так прожить год, еще год. Но что дальше? Терпеть и выживать? Конечно, выживем. И огромную армию паразитов прокормим. Но нужно ли это? Весь мир так стремительно идет вперед, пока я борюсь за жизнь с тяпкой и мешком картошки. Чем лучше работаешь, тем беднее становишься. Кажется, правители все сделали, чтобы превратить нацию мастеров и изобретателей в нацию хапуг бездарных. Тупик какой-то. А есть ли выход из этого тупика? Понять бы все это.

По всем законам природы и общества за это время страну должны были покинуть все сильные, трудолюбивые и честные люди. Но этого не произошло. Или действительно вокруг нас одни лютые враги, или включились какие-то неизвестные мне законы. Страна впала в спячку. Выросли дети и сами завели свои огороды. Дача моя на острове сгорела. На этом месте дамбу должны были строить. Вот дачи и загорелись. Место освободилось.

Я взял новый участок, за мостом. Шесть соток болота. Привез песок, вручную вскопал, построил домик. Огород на поле возле Волочаевки пришлось бросить: воруют все. Уже семена картофельные выкапывать стали. На казарме были два алкоголика, вместе воровали, потом один другого по пьянке убил. Его посадили. Казарму сожгли. Те дети, что собирали корки на Волочаевке, выросли и убили пенсионера-инвалида за бутылку водки. Иркиного мужа-таможенника посадили. Надьку убил пьяный муж-сантехник. Дудкин за это время написал на меня так много доносов, что начальство перестало обращать на них внимание. Тогда он взялся писать доносы на начальников и стал известным правозащитником. Многие старые чиновники ушли на пенсию. Новые пришли более человекообразные, слова говорят научные, красивые, но все делают так же, как старые. Иначе их старшие товарищи быстро поправят. Из моих знакомых кое-кто все же за границу уехал. Живут, но тоже недовольны жизнью. Однако обратно не возвращаются. Везде одно и то же: хорошо живут не те, кто лучше работает, а те, кто начальству нравится. Правители все так же азартно и безрезультатно борются с коррупцией, проституцией и браконьерством. Но зарплату стали выдавать вовремя.

Появились свободные выходные, и решил я, как в старые времена, пройти на надувной лодочке по речке, по протокам, к дальним синим холмам. Долго плыл, шел по лугу, плыл дальше и добрался до леса на берегу озера. Где-то в этих местах была древняя крепость. Люди находили остатки жилищ, черепки, а про крепость только говорили, но никто ее не видел.

Солнце падало так, что я ее сразу разглядел. Разорванный земляной вал выходил к озеру и терялся. Внутри в два ряда были восемь ям-западин. С воды вал незаметен. Повезло. Поднялся на вал, сижу под большим деревом. Ветерок разогнал комаров. Солнышко ярко светит, но не жарко. Далеко видны луга, болота. Все цветет: синие ирисы, желтые саранки, красные лилии, рыжие жарки. Обычно эти растения одновременно не цветут, но сейчас так сложилось: одни отстали, другие поторопились, вот и вышли все в одно время. Разноцветные языки колыхались под ветром, расплывались до горизонта. Яркая клумба размером в десятки километров. Как хорошо и спокойно. Вот чем человек должен заниматься: не гнуть спину на огородах и заводах ради пропитания, а смотреть по сторонам, исследовать, а потом любоваться тем, что нашел.

Я задремал, вскоре проснулся. Солнца нет, все какое-то серое. Встал и пошел по берегу озера. Иду, а оно меняется, вот уже и не такое заросшее, дальше уже превращается в протоку, потом в быструю речку. Иду вверх, опять солнце светит. На высоком берегу — столик, скамейка. Сидит парень в энцефалитке. Табличка на столе: «Рыболовецкая артель Петр и Андрей». У берега — большая лодка, в ней всякая разная рыба: сига, нельмы, сазаны, окуни, угри и много еще всякой.

Я говорю парню:

— Рыба на солнце пропадет, хоть воды в лодку налей.

А он мне:

— Это образцы, хочешь, можешь взять, да только тебе это ни к чему. Хозяева выше, туда и иди. Будешь на Волочаевке, скажи, что видел меня, — и сказал фамилию.

Я отошел и вспомнил, где слышал эту фамилию. Это же тот парень, что пропал в прошлом году на рыбалке. Иду вверх по реке. Горы вокруг, сумерки. Откуда-то у меня на плечах появился мешок с картошкой. Лезу в гору. Вокруг разный народ. Толкаются,

норовят на чужом горбу проехать, падают, летят вниз, визжат. Я поднимаюсь вверх, и нетрудно мне. Вот я и наверху. Ярко светит солнце. Заборчик. За ним стоят столики. Закуска, выпивка. Музыка играет кабацкая. Народ разряженный, мордатый, пьет и веселится. Начальники, спекулянты, лизоблюды. Сунулся я за заборчик. Появляется Петр лохматый:

— Куда прешь, дурак!

В стороне стоит компания, похожи на начальников. Я туда:

— Эй, начальник, что это, вертухай в рай не пускает. На земле правды нет, так и здесь тоже все по благу.

— Ни ши шуй, — говорит начальник, и далее по-китайски.

Я говорю:

— Ты что, китайский Бог, что ли? Тебе в России столько церквей и крестов поставили, а ты к китайцам переметнулся?

Тогда начальник какую-то штуку покрутил, вроде монитора, и говорит:

— Любите вы, люди, иконы всякие, какая тебе, язычнику, разница — крест или бубен. Я смотрю, ты одет во все китайское, картошка при тебе, на русского непохож. Я вашу дикую страну уже и забыл, вы столько лет кричали, что меня нет, — и превратился в огненный столб.

Я говорю:

— Ты, ваше пресвященство, не придуривайся и прими нормальный облик. Я не язычник, а крещен в православной церкви.

Столб превратился в старенького учителя и говорит:

— Крещеный, православный комсомолец, в храме сколько раз был? Просить чего-то пришел?

— Я сам по себе, ничего не просил и ничего мне не надо.

— Если ничего не надо, что же ты к свиньям полез?

— Ничего себе, у нас так не то что свиньи, люди не живут.

— Люди без еды не могут, но это для них не главное, а для свиней — смысл жизни.

Тут Петр и говорит:

— Он же трехмерный, время не видит. Показать, что ли?

Сунул он мне что-то вроде куска стекла. Смотрю через него, а за заборчиком те, что веселились, начинают хвалиться своими достоинствами. Все едят, пьют, не хотят уже, плачут, кричат, а едят. Потом откуда-то из глубины поднялась черная туча, вой посыпался страшный.

— Ну, хватит, — Петр забрал стекло, — на забой тебе смотреть не нужно.

— А люди где, что делают? Или рай в другом месте, где же отдохнуть кормильцу?

— Тут не до отдыха. Только успевай пахать, и смотри, ничего не воровать, тут тебе не колхоз «Честно жить, немножко приворовывая», — и повел меня на другой край поляны.

А там стоит огромное дерево, как изображают дерево жизни в старинных книгах: три ветви вверх, три вниз. Народу много, и все только и успевают плоды собирать. Ньютон с Александром Матросовым яблоки в тележку грузят, Птолемей с Галилеем трубу какую-то ташат, Ипатия с Августином устрицы в корзину складывают, Фарадей и Александр Попов провода тянут.

— А это что за обезьяна?

— Это Прометей, он не обезьяна, а питекантроп. А вот интересный человек — биохимик Карл Тринчер. Научно доказал, что живое искусственно создать нельзя. А здесь за то, что спас тысячи заключенных — вылечил от пеллагры. Вот математик Винер, он написал книгу «Cybernetics and society. The human use of human beings» («Человеческое использование человеческих существ»).

Отдельно стоят и мнутя придворные поэты.

— А этих чего не допускаете?

— Гимны тиранам писали. Мелкие людишки, хоть и высоко забрались. Такие даже себя не прокормят, а у нас вон сколько дармоедов.

— Зачем, — спрашиваю, — свиней этих, что за заборчиком, кормите? Одни делают, а другие едят. И у нас такое безобразие. Почему везде так?

— Вот это ты и сам знаешь, только вспомнить и подумать не хочешь.

— Хорошо, об этом подумаю. А это что за пышная компания?

— Это правители, которые разорили свои страны и довели до смуты. Пришли со своими потомками расплачиваться. Хотят получить звания святых мучеников.

Отдельной толпой стоят самохвалы и приспособленцы. Наверное, и здесь хотят пристроиться, начальнику понравиться. Я спросил:

— Почему у нас бездельникам и придуркам живется легче?

— Ну, это не только у вас. Это люди без цели, вот они и устраиваются, где жить полегче.

— У меня тоже цели нет, а жизнь не очень легкая... Была.

— Значит, была цель. Забыл, наверное.

— А что это за дерево такое?

— Это и есть Цивилизация. Мы его охраняем. А если тех, которые едят, не кормить, они и дерево съедят. Иначе нельзя. Давай и ты свой вклад, — и к моему мешку тянется.

— Это же не весь мой вклад. Я, между прочим, инженер. Интеграл от косинуса могу всегда найти.

— Тоже мне, ученый. Эти вещи люди более трехсот лет как знают, а ты нашел чем гордиться. Конформные отображения помнишь, а тензорное исчисление? А эргодическую теорему Купмена и Фон Неймана? Ты еще что-то спросить хочешь, спрашивай, — говорит начальник.

— Вот смотри, ваше профессорство, в других странах реформы делают, получается, а у нас все одно и то же. Стрельба да пьянка.

— Это потому, что ваши реформаторы считают себя могущественными, любят чудеса, а делают фокусы. Это мне еще позволено всемогущество, и то не пользуюсь. Вот ты читал рассказ У. У. Джекобса про обезьянью лапку? С магией надо осторожно, с головой.

— Я много чего читал, не помню. А магия мне ни к чему. У меня свой огород.

— Ты в своем огороде так зарылся, что ничего вокруг не видел. Думаешь, выжил, так и весь мир тебе не нужен, и Цивилизации никакой нет? Осмотришься.

Смотрю я на небо. На небе солнце, звезды, луна и радуга. Стало все расплываться. Старший кричит:

— Лукиос, ты врач, посмотри, что с ним.

Пришел Лука. Совсем не такой, как на картинках. Худой, крючконосый, черный, картавый, и говорит: «Как в-ач гово-ю, что он живой».

— Педро, что ты уже всех подряд пускаешь? — кричит начальник. — Распустились тут на небе, филоны.

Тут все забегали, закрутилось все кругом. Я сижу под деревом. Проснулся. Какой странный сон. Потом знакомый врач мне объяснил, что, скорее всего, это было нарушение мозгового кровообращения. Сказалась усталость и резкий перепад атмосферного давления перед непогодой. В общем, я вполне мог и не проснуться.

Стало темнеть. Комары исчезли. Ночевал я без палатки под открытым небом. Какие звезды, какая ночь! Тихо, звезды какие-то розоватые, теплые. Низко-низко висят, кажется, протящи руку и достанешь. Воздух прозрачный, на самом горизонте и то звезды видно. Плещется рыба и водяные крысы. Домой я собрался рано. Рыбы не поймал, грибов не нашел, поплыл на лодочке, довольный. Погода начала стремительно портиться. Из-за встречного ветра пришлось лодку собрать и идти по лесу пешком. Ветер перешел в штормовой. Полетели листья, ветки. Где-то с шумом рухнуло дерево. Через речку меня на лодочке ветром перенесло, как пушинку. Полил дождь. Уже к вечеру я вышел на дорогу. Туча ушла, выглянуло солнце. Появилась радуга. На ясном небе днем стала видна луна. Я читал, что днем можно даже увидеть Венеру, если присмотреться. И тут случайно заметил довольно яркую планету в стороне от Солнца. Все сразу: Солнце, звезда, Луна и радуга.

Что ж я раньше-то все под ноги смотрел? Вверху-то вон что. И что это мне приснилось про Винера и конформные отображения? Я что, все это знал? Почему-то вспомнился мне старый преподаватель математики. Он умер несколько лет назад. Он говорил: «Любое дело имеет смысл, только если от него есть польза человеку». Этот старый учитель рассказывал, что его не приняли в медицинский институт, потому что он был сыном «врага народа», а в педагогический приняли. Он все удивлялся: «Свое здоровье мне, как врагу, не доверили, а самое дорогое — своих детей — мне доверить не побоялись».

Дома на дальней полке я нашел свои старые книги. Так они и лежали последние сорок лет. Полистал. Кое-что вспомнил. Но многомерные ряды и вообще всю эту математику понять уже не мог. Зато с удовольствием почитал общие соображения Винера об обществе, направлении развития машин и о том, как он в пятидесятых годах двадцатого века представлял будущее вычислительной техники. Все, что он предполагал, произошло. Даже скорости вычислений и объемы памяти будущих машин он предсказал точно.

А я-то хорош, на что я потратил свою жизнь. На картошку? Вырастить детей? Наверное, можно было выжить и не проводить всю жизнь в тупике натурального хозяйства. Вот она, настоящая жизнь — в этих книгах. Обратно не повернешь, а заново начать не успеешь. Но ответ на вопрос, почему работающий не получает по труду, я нашел. И не так все оказалось сложно.

Капиталисту нужна выгода, он не старается для общества. Сторонники рыночной экономики уверяли, что, когда капиталистов много, они уравнивают друг друга. «Невидимая рука рынка» сглаживает эгоистические стремления каждого и автоматически выравнивает вредные отклонения в экономике. Свободная конкуренция делает систему однородной. На заре капитализма эта теория хорошо согласовывалась с практикой. Математик Норберт Винер занимался изучением систем, состоящих из множества микроскопических элементов. Оказалось, что такие системы не стремятся к однородности. В противном случае мы бы не видели на небе облака. Если бы капельки воды стремились к однородности, то мы всегда были бы окутаны туманом — и никаких облаков. Рынок — такая же система из многих элементов. Н. Винер математически показал, что в рыночной экономике обязательно появятся паразитические опухоли. Они все и поглощают. Правительства развитых стран вынуждены бороться с монополиями и постоянно их разрушать, сбрасывать и обнулять систему. Государство должно разгонять монополии и прочие экономические шайки, а дальше пусть действует «невидимая рука рынка».

В промышленности свободная конкуренция сейчас выглядит не так, как пятьдесят лет назад. У станка стоит не рабочий, а автомат. Даже самому сильному человеку машину не обогнать. Конкурируют ученые и инженеры, которые создают технологии и автоматы. В нашей стране им не то что конкурировать, вообще работать негде. Бизнесмен покупает за границей и ставит в нашей стране линию по переработке леса. Он очень рад, потому что отечественные линии, мягко говоря, лес обрабатывают плохо. Теперь с каждой доски пойдут отчисления создателям линии. Они времени не теряют и создают линии еще лучше. И так везде. Как бы ни было обидно, а круглый лес и сырую нефть вывозить из страны выгоднее, чем перерабатывать на месте. Купишь перерабатывающий завод, вовек не рассчитается.

С вычислительной техникой еще интереснее. Давно можно было вместо конторских служащих поставить компьютеры. Техника это позволяет, но процесс самостоятельно идет в другую сторону. Люди мешают машинам с собой конкурировать. Невообразимый рост бюрократии — это такой ответ людей роботам. И это по всему миру. Хоть тут мы от других не отстаем. Вот, оказывается, как выглядит восстание машин. Не так, как в фильмах — машина гоняется с ломом за человеком. Просто машины вытесняют людей. Не изменит отношение к людям и высокотехнологичное производство. Поставят за-

вод телевизоров или умных часов. Работать будут автоматы, а всю прибыль получать несколько человек, хозяев, а остальные — все это охранять и огороды копать. В такой обстановке работающий человек не нужен. Нужен инвестор. Тот, у кого деньги есть на новый завод или рудник. Наши начальники, которые ничего не понимали в работах, думали, что стоит поставить новый завод-автомат, вот и получится модернизация. Раз потратился — и все заработает. И рабочих эксплуатировать не надо. Разогнал, и все.

Но модернизация — не клизма, а регулярное правильное питание. Вложил деньги — сразу же начинай откладывать на обновление, включайся в гонку технологий. Вместе со всем миром — вперед. В этой гонке выигрывают все участники. Проигрывает тот, кто не участвует, кто рассчитывает только на свои силы. Вроде бы свой собственный, независимый путь, а на самом деле — тупик, разорение. Выжить можно, но в каком-то диком виде, в стороне от цивилизации.

В конце девяностых стали появляться у нас электронные устройства разных заводов и фирм. Какой-никакой появился выбор, конкуренция. Но вскоре всех вытеснил московский профессор, имевший небольшую мастерскую на ведомственном заводе. Он всю жизнь занимался тем, что пытался вырастить микросхемы, напыляя разные слои. Из этих микросхем он делал устройства, которые сгорали при первом включении. Много и долго он этим занимался. Появились в свободной продаже американские индустриальные микроконтроллеры, да и наша техника стала пробиваться.

А профессор все упорствовал, но настало время, и он уступил. Из дешевых иностранных деталей наладил он мелкосерийное производство тех устройств, которые устарели еще в восьмидесятых годах. Изделия были недоработанные, приходилось много возиться при их настройке и калибровке. Но иностранные детали работали надежно.

Как-то наши наладчики оказались в Москве и зашли к профессору со своими предложениями по улучшению изделия. Профессор, заметив ходяков, включил громкую патриотическую музыку, достал государственный флаг, стал им размахивать и кричать: «Россия — вперед!» Ходяки тихонько удалились. Потом профессор окончательно спятил и разругался со своими покровителями, а на подстанциях появились цифровые устройства производства петербургской фирмы. Принципиально они повторяли аналоговые устройства семидесятых годов прошлого века, тоже работали с ошибками, но мы с ними справились. Несмотря на строгие предупреждения, мы все-таки забрались внутрь блоков и обнаружили, что элементная база американская и далеко не новая. Исполнительные реле вообще старинные и слабенькие. Такие вещи можно в любой мастерской слепить, не то что на крупном питерском заводе. Ну хоть как-то работают.

Случайно и наша бригада наладчиков создала свое устройство защиты. Мы изготовили несложный регистратор, а потом я немного дописал программу, и этот регистратор стал отключать повреждения. Устройство оказалось настолько простым, надежным и дешевым, что на конкурсе нам дали диплом, подали заявку на изобретение, даже дали денег на детали. Через Интернет я заказал швейцарские датчики, американские реле и индийские отладочные платы. Все это в десятки раз дешевле, чем отечественные аналоги. Изготовили два опытных образца, испытали на сигнал. Ничего лучшего у нас никогда не было.

Вскоре из Москвы пришло указание: «По мнению экспертов, такого нет и быть не может». Экспертом оказался руководитель питерской фирмы, которая устаревшие цифровые устройства выпускает. Какая-то борьба за монополию среди машин получается. Однако опытные образцы с регистрацией всех событий так и продолжали работать на сигнал. На отключение не разрешили.

И так получилось, что на подъездные пути заехал самосвал строителей с поднятым кузовом, коснулся контактной сети и сгорел. Водитель погиб. Случай для традиционной защиты не проектный. Замыкание через резиновые колеса. Никакая защита не почувствовала, кроме нашей. Эх, стояло бы устройство на отключение, был бы жив человек. За сорок лет моей работы двадцать моих товарищей стали инвалидами, десять

погибли. Они попали под напряжение из-за своей ошибки или ошибки своих коллег. Вот для чего роботы нужны. Стоит такой робот и следит. Ошибется человек, робот его подстрахует. Но начальники взвалили эту заботу на самих ошибающихся. Только и успевают приказы издавать. Попали ремонтники по дороге на работу в ДТП — приказ не пользоваться личным транспортом. А другого и нет. Подрались путейцы после работы — приказ не задерживаться на рабочем месте. Тоже приказ был: обязали персонал в электроустановках находиться в специальной одежде с защитой от дуги. Только летней не нашли и выдали зимнюю. Дежурные в жару носят эту одежду с собой и, как завидят начальство, быстро накидывают. Забота не о людях, а о своей должности.

Последнее время стали в нашей конторе рассылать фотографии несчастных случаев. Это, значит, чтобы люди были осторожнее. Один случай меня особенно расстроил. С этим парнем мы испытывали трансформатор на дальней станции. Он говорил: «В отпуск скоро, на карасей пойду». И вот он на фотографии лежит под опорой. Вместо лица — черное пятно. Кабели были попутаны на диспетчерской схеме, а он накладывал заземление и не проверил. Машина должна накладывать заземление, а человек жить, даже если ошибется. Но для хозяев машина дороже, чем человек. Вернее, человек ничего не стоит.

Пришла осень. Пора урожай убирать. Еще летом купил я мотокультиватор, стоит недорого, как десять мешков картошки. Приделал к нему колеса, сцепку, купил дешевую копалку. Пробую машиной картошку копать. Нормально работает, только шумит сильно. Лучше получается, если рядки проходить через один, клубни собрать и обрабатывать пропущенные рядки. Машина немецкой фирмы, изготовлена в Китае, а картошка наша, эдакое импортозамещение. Закончил один рядок, разворачиваюсь. Низко прошла большая стая гусей. Постоял, посмотрел. Ровно идут, дружно. Небо глубокое, синее. Солнце сияет. Неожиданно земля качнулась. Странно. Иду дальше. Вдруг — удар, толчок, я лежу на земле. Тишина, выходит, я зажигание успел отключить. Темнота. Ничего не болит. Надо бы подняться. Таблетки бы достать из кармана. Руки не двигаются. Звать кого-то? Вокруг никого. Рот открываю, а звука не слышу. Наверное, все, отпахал свое. Чем тяжелее жилось, тем легче умирать. Говорят, что человек перед смертью видит всю свою жизнь. Что там, перекреститься положено? Рука не слушается. Вижу свет. В дверях барака стоит маленький мальчик с плюшевым медведем без уха. Прошаю всех, кто мне должен. Дай Бог вам, оставшимся, выйти из тупика.

